

**ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА**

Герасимов Олег Викторович, кандидат философских наук, доцент

Самарский государственный технический университет
443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: gerasimov@samgtu.ru

Эпоха постмодерна поставила историческую науку в принципиально иную ситуацию. Лиотар охарактеризовал постмодерн как эпоху распада метарассказа, что особенно важно именно для историографии, поскольку именно метарассказ выступал как основа понимания прошлого и структурировал историческую картину мира в обществе модерна. Переход к микроисториям и историческим нарративам, истории ментальностей и повседневности требует новые методы познания и способы легитимации исторического знания. «Лингвистический поворот» формирует новый образ исторической науки и даёт историкам новые инструменты легитимации знания в новых условиях.

Ключевые слова: постмодерн, метарассказ, легитимация знания, историография, историческое знание, «лингвистический поворот»

**THE PROBLEM OF LEGITIMATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE
IN THE POSTMODERN ERA**

Gerasimov Oleg V., Ph.D. (Philisophy), Associate Professor

Samara State Technical University
244 Molodogvardeyskaya st., Samara, 443100, Russian Federation
E-mail: gerasimov@samgtu.ru

Postmodern put historical science in a fundamentally different situation. Lyotard described as postmodern era collapse of metanarratives that it is especially important for historiography, because it acted as metanarratives basis for understanding the past and structured the historical picture of the world in modern society. Transition to micro-history and historical narratives, the history of mentalities and everyday life requires of new techniques and methods for study of history and legitimation of historical knowledge. «Linguistic turn» creates a new image of historical science and gives new tools of legitimation of knowledge in the new conditions.

Keywords: postmodernism, metanarratives, legitimation of knowledge, historiography, historical knowledge, «linguistic turn»

Вопросы изучения и понимания прошлого, формирования исторического знания и исторической памяти неизменно находятся в центре внимания философии. Особую актуальность они приобретают сегодня, когда аргументы *ad historiae* всё чаще используются во внутривполитических дискуссиях и международных спорах. 60-е гг. XX столетия вошли в историю мировой цивилизации как начало эпохи «постмодерна». Блестящую характеристику этой эпохи дал в своём уже почти классическом труде французский философ Жан-Франсуа Лиотар [1]. Но Лиотар лишь обозначил общие контуры проблемы, поставив гораздо больше вопросов, чем дав ответов. Это не случайно. Завершение эпохи постмодерна и переход к пост-постмодерну (*post-post-mo*) ещё только начинается и, чтобы понять общие контуры наступающей эпохи, необходимо осмыслить эпоху уходящую. Роль науки в жизни современного человека трудно переоценить, а потому проблема легитимации научного знания, на которую указал Лиотар, жизненно важна не только для научного сообщества, но и для общества в целом. Актуальность данной задачи для философии истории эпохи постмодерна усиливается ещё и благодаря тому, что в отличие от традиции модерна, как отмечают исследователи, «постмодернистская рефлексия нацелена на воспоминание, удержание в памяти прошлого

опыта» [2, с. 58]. Специфика легитимации знания в рамках двух основных его форм – научного дискурса и нарратива (рассказа) – должна быть наиболее внимательно исследована применительно к историческому знанию, которое всегда балансировало на грани дискурса и рассказа. История и возникла когда-то именно как рассказ, и лишь в XIX в. легитимировалась как наука. Философия истории здесь всегда выполняла функции легитиматора, а потому изменение стиля исторического мышления должно было неизбежно сопровождаться (предваряться?) изменением стиля философствования по поводу истории, что действительно и произошло в последней трети прошлого века. Конечно, ситуация в России (СССР) несколько отличалась от общеевропейской, но при более глубоком рассмотрении не столь значительно, как это может показаться на первый взгляд. Господство догматической идеологии накладывало свой отпечаток на внешние формы исторических текстов, но за этими формами скрывались вполне постмодернистские подходы. В настоящей статье анализируется проблема легитимации исторического знания в русле общей концепции легитимации научного знания в эпоху постмодерна, предложенной Ж.-Ф. Лиотаром, и в контексте наиболее общих тенденций развития исторической науки последней трети XX в.

Переход от исторического рассказа к исторической науке происходит на рубеже XVIII и XIX столетия, когда в европейской культуре ещё господствовали идеи романтизма. Романтическая парадигма исторического мышления ещё в значительной степени наследовала традиции нарратива. Это была история героев: королей, полководцев, святых. Именно такая история и вызывала нарекания позитивистов, ориентировавшихся на естественнонаучный дискурс и стремившихся к реформированию исторической науки на базе естественнонаучной методологии. Не случайно Конт говорил о «социальной физике», которая должна была прийти на смену нарративной ещё истории. Можно не соглашаться с тезисом позитивистов о необходимости переноса методов естествознания в историческую науку (да, скорее всего, такой перенос попросту невозможен), но нельзя не признать, что именно позитивистский проект позволил историкам легитимировать своё знание по образцу естественных наук. Так в историческом знании начинается эпоха модерна. Как это хорошо выразил Ж.-Ф. Лиотар, историки эпохи модерна легитимируют «знание через метарассказ, включающий философию истории» [1, с. 10]. Другими словами, отказ от рассказа, необходимый для признания за историческим знанием статуса «научного», привёл к появлению метарассказа. Что же это за метарассказ? Это, прежде всего, некая глобальная концепция, объясняющая ход, движущие силы и перспективы развития мировой истории. Последнее особенно важно, ибо как отмечается многими исследователями, человек эпохи модерна устремлён в будущее [2, с. 57]. Таким образом, обращение к истории для него необходимо не в силу некой самоценности, но лишь в контексте обоснования и понимания будущего, что естественным образом приводит к пониманию линейности исторического времени и универсализму в понимании истории. Универсализм и линейность в интерпретации исторического процесса и становится предпосылкой появления метарассказов в историографии. Модернистская история убеждена, что при всей относительной свободе человеческих действий, они подчинены некоему объективному ходу вещей, что историческая необходимость неуклонно пробивает себе дорогу через хаос человеческих случайностей. А значит, историк из архивариуса превращается в пророка, ибо то, что подчинено закономерности, рано или поздно можно научиться предсказывать. Хотя бы в самых общих чертах, подобно тому, как в 1918 г. Шпенглер предсказывал падение Запада. В конечном итоге, проблема предсказания сводилась к аккумуляции знания, позволившей бы учесть все параметры исторической системы. Целью исторической науки, таким образом, неизбежно становился масштабный исторический синтез, и микроисторические исследования рассматривались как предпосылка макроистории, но не более того. Именно в этой ситуации складываются классические принципы исторической критики. Прежде

всего, речь идёт о приоритете документа перед нарративом, а материальных остатков прошлого перед текстами как более «объективных», дающих «непосредственную» и, следовательно, достоверную информацию о прошлом. Между тем интерпретация тех же археологических памятников открывает гораздо больший простор для воображения интерпретатора, чем работа с нарративом. Далее, модернистская парадигма исторического мышления требовала от историка тщательной сверки каждого приводимого факта по параллельным источникам. Событиям, известным только по какому-то одному источнику, чаще всего попросту отказывали в признании в качестве научных фактов («не поддаётся проверке», «нигде более не подтверждается» и т. д.), обедняя, таким образом, картину мировой истории, особенно древней. Это вело к парадоксальной ситуации в историографии: если какая-то ложь «растиражирована» разными источниками, а истина зафиксирована лишь в одном, то при прочих равных условиях историк брал за истину именно ложь (разумеется, не подозревая об этом, но кто может ответить, сколько из признанных исторической наукой «фактов» получило свою оправдание таким образом?). Впрочем, это не имело особого значения: в историческом описании доминировала схема, заимствованная из того или другого метарассказа, а факты располагались таким образом, чтобы эту схему проиллюстрировать. При этом упор делался на «исторически значимые», «типичные», знаковые факты. Разработка модернистской историей различных метарассказов позволила выявить различные факторы и структуры, детерминирующие развитие общества. Человек на фоне этого постепенно растворялся, утрачивая в глазах историков и философов, свою целостность и свободу. Наиболее полно и последовательно эту интенцию модерна развил Мишель Фуко: «У человека нет больше истории: точнее, поскольку он говорит, трудится и живёт, бытие его оказывается сплетением многих историй, которые ему чужды и неподвластны» [3, с. 387]. В свете этого нетрудно оценить структуралистское понимание истории как доведённый до логического завершения модерна. Лиотар также указывает на то, что «грядущее общество соотносится не ... с ньютоновской антропологией (как то структурализм или теория систем)...» [1, с. 11]. Преимущественный интерес модернистской истории к макропроцессам обуславливает то, что модернистская философия истории легитимизируется преимущественно как историософия (Гегель, Маркс, Шпенглер и др.).

Переход современного общества к эпохе постмодерна, начавшийся в конце 50-х гг. XX в., знаменуется всеобщим кризисом метарассказа и научных дискурсов, на нём основанных. В политической сфере это выливается в крах т. н. «идеократических» режимов, крах, завершившийся на рубеже 80-90-х гг., но начавшийся именно тогда. В этом аспекте развенчание культа личности Сталина, при всей возможной неоднозначности оценок этого события и его последствий для нашей страны, вполне укладывается в логику постмодерна. В исторической науке это выразилось в отказе от масштабных исторических обобщений – не случайно последние издания фундаментальных «Истории СССР с древнейших времён» и «Всемирной истории» выходят именно в 50–60-е гг. Переход к микроисторическим исследованиям, разработке частных проблем источниковедения для отечественных историков 60–80-х гг. оказался неизбежен, хотя и часто впоследствии ставился им в упрёк. Но это был закономерный результат конфликта (не осознанного ещё самими историками, разумеется) зарождавшейся постмодернистской парадигмы исторического мышления и ещё господствовавшей в обществе модернистской идеологией метарассказа. На Западе эволюция исторического мышления достаточно отчётливо прослеживается на примере французской исторической «школы Анналов». Основанная М. Блоком и Л. Февром, учениками социолога-позитивиста Э. Дюркгейма, «школа Анналов» изначально выражала особенности модернистского мышления. Её представители в своих исследованиях ориентировались на изучение «длительных исторических процессов» (заметим, что всё это сильно напоминает структурализм М. Фуко). «Анналисты» критиковали привержен-

цев традиционной истории к единичным событиям, личностям и т. д., не видя, что уже в XIX в. человеческое измерение истории оставалось не более, чем самообманом (см. выше комментарий по этому поводу М. Фуко). Но позднее, когда «школа Анналов» делает своей центральной задачей изучение истории ментальностей, это создаёт предпосылку для формирования постмодернистской парадигмы. Потому что, по словам современного французского историка Э. Поньона, близкого «школе Анналов», «повседневная жизнь людей зависит от того, во что они верят» [4, с. 19]. Изучение ментальности стало важнейшей методологической основой истории повседневности – характерной черты постмодернистской истории вообще.

Кризис метарассказа как основы исторического повествования привёл к отказу от грандиозных историй, заострил внимание историков на микроисториях и повседневной жизни людей и вещей. Обращение к истории ментальностей показало, что историческое действие людей проистекает отнюдь не из объективного исторического (социально-экономического) интереса, а в разные эпохи обуславливается различными факторами психической и повседневной жизни людей. Этот факт нашёл своё отражение в новейшей коллективной монографии «Истории крестовых походов», выпущенной в 1995 г. Оксфордским университетом. Оценивая работу историков XIX – 1-й половины XX в., один из её авторов замечает: «...большинство объяснений того факта, что так много людей участвовало в крестовых походах ... сводились к тому, что их участники не обладали достаточной искущённостью и умом или что все они стремились к материальной выгоде» [5, с. 15]. Но начиная с 60-х гг., «историкам стала вполне очевидна уязвимость их аргументации в пользу материалистической мотивировки...» [5, с. 16]. «Поняв, что многими, а вероятно, даже и всеми крестоносцами руководили другие мотивы (и в первую очередь идеализм), историки оказались перед задачей изучения идей, лежавших в основе движения» [5, с. 16]. Такое изучение позволило в последние десятилетия отказаться от многих модернизаторских трактовок прошлого, которые неизбежно формировались в модернистской истории как результат функционирования метарассказа. Психологическая достоверность мотивировки поступков всегда рассматривалась как критерий достоверности исторического описания, но модернистски мыслящий человек, уверовавший в метарассказ был склонен приписывать людям прошлого мотивации, характерные для него самого (диктуемые этим самым метарассказом). Более того, метарассказ модерна предполагал зачастую непрямую мотивацию человеческих поступков, дабы обосновать действие «объективных исторических законов». Так Маркс говорит о социально-экономическом интересе, а Фрейд – о сексуальном влечении, которые определяют поступки человека, что бы сам человек по этому поводу не думал. Вне всякого сомнения, что закономерности развития экономики существуют, и общество, нарушающее их, разрушает и экономику, и само себя. Но сам факт того, что люди весьма часто идут против этих законов, даже зная о них, свидетельствует о том, что не только экономика обуславливает ход истории и детерминирует историческое действие. Возьмём, например, лентяя: как бы он не осознавал свой объективный интерес, его природная лень мешает предпринять какие-либо шаги по его реализации. Также человек, движимый моральными побуждениями, поступает вопреки своей прямой выгоде... Такое понимание мотивации исторического действия и побудило историков обратиться к проблеме повседневности, поскольку именно в повседневности формируются личностные свойства и психологические особенности действующего. Здесь нашла своё выражение идея Гуссерля об обращении к жизненному миру, как источнику и горизонту любого дискурса. Таким образом, постмодернистская история совершает экзистенциально-антропологический поворот, следуя в этом за философией XX в. В центре новой истории должен оказаться человек, но не герой, а человек повседневности, экзистенциально обнаруживаемый человек, отменённый модерном (Фуко).

Отказ от метарассказа означал также возвращение рассказа, легитимацию нарратива. Не случайно постмодернистские исторические тексты расцвечиваются деталями, нелегитимными в рамках «классической» историографии модерна (например, такой крупный отечественный историк как академик Б.А. Рыбаков постоянно сталкивался с обвинениями именно в связи с использованием единичных, нигде не дублированных, сообщений источников). Впрочем, такое отношение к «недостаточно достоверным» сведениям ещё не изжито до конца, и использование в историческом описании сообщений, не подтверждаемых (пусть и не опровергаемых!) другими источниками нуждается в легитимации. В самом деле: чем многократно повторённая ложь лучше однажды высказанной истины?

Лиотар характеризует науку эпохи постмодерна как «поиск нестабильности» [1, с. 130]. Постмодернистский дискурс впервые обнаружил себя в квантовой механике и воплощается в двух её фундаментальных принципах – дополнительности и неопределённости. Историческая наука эпохи постмодерна также может быть рассмотрена с точки зрения применения этих принципов. Так модернистские метарассказы, каждый из которых претендовал на всеобщее объяснение исторического процесса, перестают быть конкурентами: теперь они только дополняют друг друга в раскрытии движущих сил истории, усложняют картину мировой истории, и именно поэтому перестают быть метарассказами. Принцип неопределённости делегитимирует историю как предсказательницу будущего. Невозможность определить все параметры меняющейся системы становится неустранимой, всеобщий детерминизм больше не существует. «Вероятность того, контролируемые переменные будут несовместимы, больше, чем совместимы. Следовательно, существуют только «островки детерминизма»» [1, с. 142]. Всё это формирует «нестабильную» картину мировой истории, плюралистическую и открытую в будущее. В конце концов, история – это всегда лишь *возможное прошлое*.

Все эти черты исторической науки постмодерна неразрывно связаны и со спецификой постмодернистской философии истории. Отказ от метарассказа ведёт к утрате «смысла истории». Историософия больше невозможна, и философия истории легитимирует себя как историческая эпистемология. В западной философии такую позицию весьма последовательно занимал Р.Дж. Коллингвуд [6]. Но и отечественная философия приходит примерно к тем же самым выводам. По словам Э.Н. Лооне, современная философия истории «формулируется как теория познания, а не как онтология» [7, с. 5]. Это не случайно. Распад метарассказа на множество «малых рассказов» требует легитимации основанного на них исторического дискурса.

Легитимация исторического знания в эпоху постмодерна сопровождается т. н. «лингвистическим поворотом» в философии истории. Фундаментальным тезисом теоретиков постмодерна является утверждение, что язык оказывает решающее влияние на работу историка [8, с. 284]. Внимание исследователя переключается от «говoreния о реальности» к «говoreнию о говорении». Отталкиваясь от данного тезиса, Р. Барт предложил свой подход к анализу исторического дискурса с помощью инструментов литературной критики. Таким образом, как отмечает Н.Е. Копосов, история оказывается одной из разновидностей реалистического дискурса, максимально приближенного к реалистической литературе [8, с. 286–287]. И если концепция Р. Барта представляет собой достаточно радикальное выражение постмодернистского «лингвистического поворота», то в целом этот поворот оказал плодотворное влияние на современную историографию: «Историки стали понимать, что на уровне говорения о реальности историк только *описывает* прошлое в терминах отдельных утверждений об исторических событиях... На уровне говорения о говорении историк осмысливает то, какая именно часть языка (какой исторический текст) лучше всего *репрезентирует* исследуемую часть прошлого...» [9, с. 11]. Можно констатировать, что «лингвистический поворот», позволяющий оценить репрезентативность исторических текстов, даёт исторической науке важнейший инструмент легитимации знания.

Таким образом, перед исторической наукой и философией истории в эпоху постмодерна встаёт ряд принципиальных задач по легитимации исторического знания в условиях отказа от метарассказа как связующего звена исторического описания, выработке новых форм исторического дискурса. Предметом исследования историков становится мир повседневности, человек в его экзистенциальной ситуации. Наконец, «лингвистический поворот» в историографии позволяет углубить познание и понимание исторического прошлого и, тем самым выступает решающим фактором легитимации исторического знания.

Список литературы

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – Москва ; Санкт-Петербург : Институт экспериментальной социологии ; Алетейя, 1998. – 160 с.
2. Терещенко Н. А. Постмодерн как ситуация философствования / Н. А. Терещенко, Т. М. Шатунова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 192 с.
3. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург : А-Сад, 1994. – 406 с.
4. Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году / Э. Поньон. – Москва : Молодая гвардия, 1999. – 392 с.
5. История крестовых походов / под ред. Дж. Райли-Смита. – Москва : КРОН-ПРЕСС, 1998. – 495 с.
6. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – Москва : Наука, 1980. – 485 с.
7. Лооне Э. Н. Современная философия истории / Э. Н. Лооне. – Таллин : Ээсти раамат, 1980. – 293 с.
8. Копосов Н. Е. Как думают историки / Н. Е. Копосов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 326 с.
9. Кукарцева М. А. Вместо введения к: Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / М. А. Кукарцева. – Москва : Канон+ – РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.

References

1. Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. Moscow, St. Petersburg, Institute of Experimental Sociology Publ., Aleteyya Publ., 1998, 160 p.
2. Tereshchenko N. A., Shatunova T. M. *Postmodern kak situatsiya filosofstvovaniya* [Postmodern philosophizing as the situation]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003, 192 p.
3. Fuko M. *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things: Archaeology Humanities]. St. Petersburg, A-Cad Publ., 1994. – 406 s.
4. Ponon E. *Povsednevnyaya zhizn Yevropy v 1000 godu* [Daily life in Europe in 1000]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1999, 392 p.
5. *Istoriya krestovykh pokhodov* [History of the Crusades]. Ed. by Dzh. Rayli-Smit. Moscow, KRON-PRESS Publ., 1998, 495 p.
6. Kollingvud R. Dzh. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 485 p.
7. Loone E. N. *Sovremennaya filosofiya istorii* [Modern philosophy of history]. Tallinn, Eesti raamat Publ., 1980, 293 p.
8. Kuposov N. Ye. *Kak dumayut istoriki* [As historians think]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001, 326 p.
9. Kukartseva M. A. *Vmesto vvedeniya k: Domanska E. Filosofiya istorii posle postmodernizma* [Instead of introducing to: Domanski E. Philosophy of History after Postmodernism]. Moscow, Kanon+ Publ., 2010, 400 p.